Одиссея детей дровосека

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ХРОНИКИ

В 2008 году феерии Мориса Метерлинка «Синяя птица» исполняется 100 лет

Как известно, право первой постановки знаменитый бельгийский символист и мистик предоставил Московскому Художественному театру, который осенью того же года впервые эту пьесу и сыграл. МХАТ имени М. Горького по сей день сохраняет легендарный спектакль, созданный Станиславским, Сулержицким и Москвиным.

В 1918 году первый в мире профессиональный детский театр – «Бесплатный для детей пролетариата и крестьян Советский драматический школьный театр имени Вождя рабоче-крестьянской революции В.И. Ленина» – ныне Саратовский академический театр юных зрителей имени Ю.П. Киселёва – начал творческую жизнь именно «Синей птицей».

В рождественские дни 2008 года, предваряя собственное 90-летие, поддержанные грантом губернатора саратовцы вернули мистическую феерию Метерлинка на свою сцену.

Поставила спектакль «творческая бригада» из Москвы под руководством режиссёра и автора новой редакции перевода Александра Пономарёва.

Легендарная мхатовская версия строилась, как известно, на могуществе наивного волшебства. Театр старался проникнуться детскими мечтами о счастье, хотел достичь лёгкости и радости, присущих ребячьим снам, сохраняя пафос главной задачи – воплощение мечты великого поэта о мировой гармонии. Рождественская феерия в нынешнем прагматичном мире развивается куда драматичнее. В прологе зрители видят огромную стаю птиц, которая, словно мерцающее облако, остаётся волнующим образом недостижимой грёзы.

Авторы нового прочтения истории о том, как дети дровосека путешествуют за синей птицей счастья, чтобы помочь заболевшей девочке, не чураются красок резких, эксцентричных. Это настоящая одиссея, полная страхов, открытий и странностей, грусти и горечи, соблазнов и противоречий, развивающая идеи «Снежной королевы», «Щелкунчика», «Путешествия Нильса с дикими гусями», других историй нравственного мужания юных душ, чьи зачастую жертвенные путешествия тоже обоснованы чувством долга.

А. Пономарёв, известный своим интересом к произведениям, философская, притчевая природа которых не просто очевидна, но обострена, работает с пьесой вполне бесстрашно и весьма темпераментно, но, не теряя внимания к деталям и частностям, из которых рождается новое отношение к традиции.

«Синяя птица» сложна тем, что путешествие её героев происходит на разных уровнях бытия: среди духов леса, в Стране Блаженств, Царстве Будущего или Стране Воспоминаний, в сопровождении животных и при участии стихий, обретших благодаря волшебству человеческий облик. Каждый «ярус» этого мира бытийных сущностей живёт по своим законам, нарушать которые не следует. Суверенность любого из уровней помогает сохранить мировую гармонию. Не стоит, по всему судя, гоняться и за счастьем, ибо оно в твоей душе, да просто рядом. Голубой горлицы, сидящей в клетке Тиля, вполне достаточно, чтобы вылечить соседскую девочку – надо лишь проявить обыкновенное бескорыстие…

Юлий Ридель (Тильтиль), Елена Вовненко (Фея) и Ирина Протасова (Митиль)

Герои саратовского спектакля, подобно кэрролловской любознательной Алисе, тоже путешествуют, оставаясь на месте: перемены, вполне очевидные, происходят, как только меняется взгляд героев на мир. Художник Гарри Гуммель выстраивает в неглубоком пространстве лёгкие деревянные конструкции и яруса «перламутровых» окон, отчего сцена, оставаясь неподвижной, становится многослойной и прозрачной. Остроумные костюмы Татьяны Кондрычиной сделаны с учётом той же разницы уровней, на которых существуют персонажи. Люди одеты как герои дидактических сказок, духи деревьев – как скептичные и надменные персонажи Уайльда, разного рода блаженства – с избыточностью пресыщенных жизнью обитателей «Сатирикона» Феллини, а стихии природы – по законам провинциальной оперы, где зло часто выглядит пошлым и самодовольным. Именно так решены Огонь и Ночь. Темпераментный Алексей Чернышев – в алом мефистофельском плаще, с лицом, претендующим на сходство с Мерлином Мэнсоном, свирепо шипит, огрызается, но напугать способен лишь самого себя.

А Татьяна Чупикова или в другом составе Тамара Лыкова – воплощение ночного сонного самодовольства с претензией на значительность (недаром позже она преображается в Блаженство Утолённого Тщеславия).

Обаятельные и смелые Тильтиль и Митиль – Юлий Ридель и Ирина Протасова – лишены инфантилизма и готовы воспринимать многомерность мира во всей его значительности. Мудрые и нежные Бабушка и Дедушка – Светлана Лаврентьева и Юрий Ошеров – полноценно существуют в условиях иного измерения, на зыбкой скамейке в туманном мареве. Пребывая за пределами бытия, они сохраняют внимание к сущностным основам жизни. Глядя на них, понимаешь, сколь неделикатны любые слова и мысли о смерти. Однако неделикатность может быть и мила. Фея Берилюна Елены Вовненко в облике горбатой, крикливой и навязчивой старухи кажется симпатичной и проницательной. А когда она в финале преображается в соседку Берленго, то остаётся подозрение, что мать больной девочки прикинулась феей, взяв на себя заботы по сочинению сюжета. Сущность пса Тило можно было бы обозначить как Блаженство Преданности. Юный, неопытный и наивный в исполнении Алексея Кривеги или более зрелый, рыцарственный и жертвенный у Алексея Карабанова – оба равно бесстрашны, искренни и готовы драться за правое дело. Подальше от правых дел старается быть обаятельный своей душевной ле-

нью Хлеб, блестяще сыгранный Дмитрием Скачковым. В его обширной мягкой плоти безнадёжно вязнет любая инициатива. Зато коварная кошка Тилетта опасна именно инициативой. Хотя бы потому, что любое её проявление обязательно имеет двойное дно. Молодая актриса Светлана Никулина вдохновенно, с некоторым перебором играет существо, талантливое в своём органическом эгоизме и двоедушии. В этом характере много негативной энергии, есть парадоксальность и непредсказуемость. Кошка тайно мечтает повелевать, но вынуждена подчиняться. Роль развивается рывками, в какой-то почти джазовой логике. Недаром у Тилетты ярче, чем у других, звучат музыкальные номера. Она поёт настоящие джазовые арии, сложные, резкие, точно выражающие суть её отношения к людям и событиям.

Кроме основных героев в спектакле множество персонажей второго плана: безмолвные птицы, пажи или призраки. Они создают живой фон действия, придавая ему объём. Это порой усложняет развитие событий, делает менее внятным ритмический рисунок спектакля.

И всё же нравственная мощь «Синей птицы» покоряет и через сто лет.

Многосложная пьеса знаменитого символиста учит ценить простые радости реального мира, их красоту, ясность и глубинную силу.

Александр ИНЯХИН,
САРАТОВ–МОСКВА